

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.С.ГОРБАЧЕВА ПО СОВЕТСКОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ

14 октября 1986 года

Добрый вечер, дорогие товарищи!

Вы знаете, что позавчера, в воскресенье, закончилась моя встреча с Президентом Соединенных Штатов Р. Рейганом в Исландии. По ее итогам состоялась пресс-конференция, передававшаяся по телевидению. Текст выступления и мои ответы журналистам опубликованы.

Вернувшись на родину, считаю своим долгом рассказать, как было дело и как мы оцениваем происшедшее в Рейкьявике.

Только что на заседании Политбюро ЦК КПСС обсуждены итоги встречи в столице Исландии. Завтра будет напечатано сообщение о том, какое суждение руководство нашей партии вынесло об этом крупном политическом событии, последствия которого, как мы убеждены, будут долго сказываться на международных отношениях.

Перед Рейкьявиком много говорилось и писалось о предстоящей встрече. Как это обычно бывает в подобных случаях, предположений и суждений было множество. Это естественно. Не обошлось в этом случае и без спекуляций.

Сейчас, когда встреча завершилась, ее итоги – в центре внимания мировой общественности. Всех интересует, что произошло? Что она дала? Каким будет мир после нее?

Мы стремились к тому, чтобы на встрече в Рейкьявике во главу угла поставить главные вопросы мировой политики – прекращение гонки вооружений, ядерное разоружение. Так, собственно, оно и произошло.

Каковы мотивы нашей настойчивости в этом деле? Часто можно услышать из-за рубежа, что причина тому – наши внутренние трудности. В расчетах Запада существует тезис о том, что Советский Союз в конечном счете

не выдержит гонку вооружений экономически, сломается и придет к Западу на поклон. Только стоит еще поднажать на него, наращивать позицию силы. Кстати, это прозвучало и в выступлении Президента США уже после нашей встречи.

Мне не раз приходилось говорить, что подобные планы не только построены на песке, но опасны, поскольку могут привести к роковым политическим решениям. Свои проблемы мы знаем лучше других. Они у нас есть, мы их открыто обсуждаем, решаем. У нас есть на этот счет свои планы, свои подходы и общая воля партии и народа. Вообще я должен сказать, что Советский Союз сегодня силен своей сплоченностью, политической активностью народа, динамизмом. Думаю, что эти тенденции, а значит и сила нашего общества, будут нарастать. У Советского Союза есть чем ответить на любой вызов, если это потребуется. Это знают советские люди, это должны знать во всем мире. Но играть в силовые игры мы не хотим. Это крайне опасное занятие в ракетно-ядерный век.

Мы твердо убеждены: затянувшееся лихорадочное состояние международных отношений таит угрозу внезапного и губительного кризиса. Требуется практические шаги в сторону от ядерной бездны. Требуется совместные советско-американские усилия, усилия всего мирового сообщества, чтобы радикально оздоровить международные отношения.

Во имя этих целей накануне встречи, еще до того, как получили согласие Президента Рейгана на встречу, мы, в советском руководстве, провели большую подготовительную работу. В ней, помимо Политбюро и Секретариата ЦК, приняли участие министерства иностранных дел и обороны, другие ведомства, представители науки, военные эксперты, специалисты различных отраслей промышленности. **Позиции, которые мы выработали для встречи в Рейкьявике, были результатом широкого и неоднократного обсуждения с нашими друзьями, с руководством стран социалистического содружества. Мы стремились насытить встречу принципиальным содержанием, далеко идущими предложениями.**

Теперь о самой встрече – как там развивались события. Рассказать об этом нужно не только для того, чтобы утвердить истину, которую уже искажают наши партнеры по переговорам в Рейкьявике, но главным образом для того, чтобы поделиться с вами, что мы собираемся делать дальше.

Первая беседа с Президентом Р. Рейганом началась в субботу в 10 часов 30 минут. После неслучайных в таких случаях приветствий и краткого общения с корреспондентами мы остались друг с другом наедине – только с переводчиками. Обменялись мнениями об общей обстановке, о том, как складывается диалог между нашими странами, обозначили вопросы, которые нам предстояло обсудить.

Потом я попросил Президента выслушать наши конкретные предложения по главным вопросам, ради которых мы и приехали на эту встречу. Я уже довольно подробно говорил о них на пресс-конференции. Но все же вкратце напомним.

На стол переговоров был положен целый пакет крупных мер, которые, будь они приняты, положили бы начало новой эпохе в жизни человечества – эпохе безъядерной. В этом суть кардинального перелома в мировой обстановке, возможность которого была очевидной и реальной. Речь шла уже не об ограничении ядерных вооружений, как это было в договорах ОСВ-1, ОСВ-2 и других, а о ликвидации ядерного оружия в сравнительно короткие сроки.

Первое предложение касалось стратегического наступательного оружия. Я заявил о готовности сократить его на 50 процентов в течение первых пяти лет. Причем подлежало сокращению вдвое стратегическое оружие на земле, на воде и в воздухе. Чтобы облегчить договоренность, мы пошли на большую уступку, сняв прежние свои требования включать в стратегическое уравнение американские средние ракеты, достигающие нашей территории, и американские средства передового базирования. Готовы были учесть и озабоченность США по поводу наших тяжелых ракет. Предложение

о стратегическом оружии мы рассматривали в контексте его полной ликвидации, как это было предложено нами 15 января этого года.

Второе наше предложение касалось ракет средней дальности. Я предложил президенту полностью ликвидировать советские и американские ракеты этого класса в Европе. При этом и здесь мы шли на большую уступку, заявив, в отличие от прежней нашей позиции, что ракетно-ядерное оружие Великобритании и Франции не должно учитываться. Мы исходили из необходимости расчистить путь к разрядке в Европе, освободить европейские народы от страха перед ядерной катастрофой, затем двигаться дальше – к ликвидации всего ядерного оружия. Согласитесь, что это тоже смелый шаг с нашей стороны.

Зная наперед, какие могут быть возражения, мы заявили, что ракеты с дальностью менее 1000 километров мы согласны заморозить и тут же приступить к переговорам об их дальнейшей судьбе. А в том, что касается ракет средней дальности в азиатской части нашей страны, – вопрос, который постоянно присутствовал в «глобальном варианте» Президента Рейгана, – то мы и по этому вопросу предложили немедленно вступить в переговоры. Как видите, и здесь наши предложения носили крупный, серьезный характер, дающий возможность кардинально решить и эту проблему.

Третий вопрос, который я поставил перед Президентом в первой же беседе и который органически входил в пакет наших предложений, – **это существующий Договор по противоракетной обороне – ПРО и о запрещении ядерных испытаний.** Подход наш такой: раз мы вступаем в совершенно новую ситуацию, когда начнется существенное сокращение ядерного оружия и его ликвидация в обозримо короткий срок, то необходимо обезопасить себя от всяких неожиданностей. Речь идет об оружии, которое составляет до сих пор ядро обороны нашей страны. Поэтому надо исключить все, что могло бы подорвать равенство в ходе разоружения, исключить любую возможность создать оружие нового типа, обеспечивающее военное

превосходство. Мы считаем такую позицию совершенно закономерной и логичной.

А коль так, мы твердо заявили о необходимости строго соблюдать бессрочный Договор по ПРО 1972 года. Больше того, чтобы укрепить режим этого договора, мы предложили президенту взять взаимное обязательство со стороны США и Советского Союза не использовать право выхода из договора по меньшей мере в течение десяти лет, а за это время покончить со стратегическим оружием.

Учитывая особые трудности, которые сама администрация создала для себя по этой проблеме, когда лично президент связал себя с космическим оружием, с так называемой СОИ, мы не потребовали прекращения работ в этой области. Но – при том понимании, что будут полностью соблюдаться все положения Договора по ПРО, то есть исследования и испытания в этой области не выйдут за пределы лабораторий. Это – одинаковое ограничение и для США, и для СССР.

Слушая нас, президент делал замечания, просил кое-что пояснить подробнее. По ходу разговора мы решительно и определенно поставили вопрос о контроле, связав его с постядерной обстановкой, а эта обстановка требует особой ответственности. Я сказал президенту, что если обе страны встанут на путь ядерного разоружения, то Советский Союз ужесточит свою позицию по контролю. Он должен быть реальным, всеохватывающим, убедительным. Он должен создавать полную уверенность в надежности соблюдения соглашения, содержать право инспекции на местах.

Должен вам сказать, товарищи, что первая реакция со стороны Президента не была целиком негативной. Он сказал даже: «То, что вы сейчас изложили, нас обнадеживает». Однако от нас не ускользнуло, что собеседники (а к беседе по этим вопросам уже подключились и товарищ Шеварднадзе и господин Дж. Шульц) в некоторой растерянности. Вместе с тем в их разрозненных замечаниях сразу же появились сомнения и возражения. Президент и госсекретарь стали с ходу говорить о расхождениях и несогласии.

В этих их словах мы явственно расслышали знакомые старые звуки, которые мы на протяжении многих месяцев слышали с Женевских переговоров: нам напомнили о всякого рода подуровнях по стратегическим ядерным вооружениям, о «промежуточном варианте» по ракетам в Европе, о том, что нам следует присоединиться к СОИ, нам – Советскому Союзу, и заменить существующий Договор по ПРО каким-то новым договором, о многом другом в этом духе было сказано с их стороны.

Я выразил удивление. Как же так? Мы предлагаем принять американский «ноль» в Европе и сесть за стол переговоров по средним ракетам в Азии, а вы, господин президент, отступаете от своей прежней позиции. Это непонятно.

В отношении ПРО мы предлагаем сохранить и упрочить это фундаментальное, важное соглашение, а вы хотите отказаться от него и даже предлагаете заменить его каким-то новым договором, тем самым – вслед за отходом от ОСВ-2 – разрушить и этот механизм, охраняющий стратегическую стабильность. Это тоже непонятно.

Разобрались мы и в планах по СОИ, сказал я. Если США создадут трехслойную систему ПРО в космосе, мы ответим на это. Но нас заботит другое: СОИ означала бы перенос оружия в новую среду, что дестабилизирует стратегическую ситуацию, сделает ее еще хуже, чем сегодня. Если такова цель США, то тогда надо так и сказать. Но если вы действительно хотите иметь прочную безопасность для своего народа, для всего мира, то тогда американская позиция абсолютно несостоятельна.

Я прямо сказал Президенту: мы внесли новые крупные предложения, а слышим от вас сейчас то, что уже порядком всем надоело и ни к чему привести не может. Я прошу вас, господин Президент, еще раз внимательно рассмотреть наши предложения и дать ответ пункт за пунктом. При этом вручил ему в переводе на английский язык подготовленный еще в Москве проект возможных директив, которые, если будет достигнуто согласие в принципе, мы могли бы дать министрам иностранных дел и другим ведомствам для

подготовки **трех проектов соглашений**. Затем их можно было бы подписать во время моего визита в США.

Во второй половине дня мы встретились вновь. Президент огласил составленную за перерыв позицию. После первых же фраз стало ясно, что нам опять преподносят, как я выразился на пресс-конференции, нафталиновый хлам, от которого уже задыхаются Женевские переговоры: всякие промежуточные варианты, цифры, уровни, подуровни и т. п. Ни одной новой мысли, ни одного свежего подхода, ни одной идеи, которая содержала бы в себе хотя бы намек на какую-то развязку, на какое-то движение вперед.

Становилось ясно, товарищи, что американцы приехали в Рейкьявик, ничего не имея за душой. Впечатление было такое, что они приехали сюда только для того, чтобы собрать плоды в свою корзину, с пустыми руками.

Ситуация складывалась драматическая.

Американский Президент не готов был по-крупному решать принципиальные вопросы, пойти навстречу, чтобы действительно дать импульс переговорам – результативным и обнадеживающим. А именно к этому я призывал Президента в своем письме, в котором выдвинул идею о проведении срочной и безотлагательной встречи, с тем чтобы дать мощный импульс на уровне высших руководителей двух стран – импульс переговорам о ядерном разоружении.

Убежденные в том, что наши предложения взвешенные, учитывающие интересы партнера, мы решили не отступать в своих усилиях добиться перелома на встрече. После многих уточняющих вопросов появился просвет по стратегическим вооружениям. Ухватившись за это, мы сделали еще один крупный шаг в поисках компромисса. Я сказал Президенту: имеется признанная и у вас, и у нас триада стратегических наступательных вооружений. Это – ракеты наземного базирования, это – стратегические подводные лодки, это – стратегические бомбардировщики. Так вот, давайте каждую часть этой триады сокращать на 50 процентов. И тогда отпадает

необходимость во всякого рода уровнях и подуровнях, во всякого рода подсчетах.

После долгих дебатов нам удалось достичь взаимопонимания по этому вопросу.

Затем дискуссия развернулась по проблеме ракет средней дальности. Американцы упорно отстаивали так называемый промежуточный вариант, который предусматривал сохранение части их ракет в Европе, в том числе «Першингов-2», и, естественно, сохранение соответствующих наших СС-20. Мы категорически выступили против. Я уже объяснял почему. Европа заслуживает того, чтобы освободиться от ядерного оружия, перестать быть ядерным заложником. Со своей стороны, президенту трудно было сражаться против его же собственного «нулевого варианта», который он так долго рекламировал. И тем не менее мы ощущали намерение американцев сорвать договоренность под видом особой заботы о своих союзниках в Азии.

Много тут было сказано с американской стороны несостоятельного. Неловко просто все это воспроизводить. И дело пошло на лад только тогда, когда мы и в этом вопросе сделали еще один шаг навстречу – согласились на формулу: ноль ракет в Европе и по 100 боезарядов на средних ракетах у нас на востоке и соответственно – у американцев на территории США. Главное – удалось договориться об освобождении Европейского континента от ядерных ракет.

Таким образом, достигнуто было согласие и по вопросу о ракетах средней дальности. Был сделан важный прорыв вперед и на этом направлении ядерного разоружения. Американской администрации не удалось уйти от нашего настойчивого стремления добиться позитивных результатов.

Но оставался еще вопрос о ПРО и запрещении ядерных взрывов.

Прежде чем мы встретились на другой день, в воскресенье, на третью нашу беседу, которая по программе должна была стать заключительной, всю ночь работали две группы экспертов с нашей и американской стороны. Они тщательно проанализировали то, о чем говорилось на двух предыдущих

встречах с Президентом, и доложили результаты своих ночных дебатов соответственно мне и президенту.

Итог был такой: **по стратегическим наступательным вооружениям и по средним ракетам появилась возможность приступить к выработке соглашений.**

Договор по ПРО в этой ситуации приобретал ключевое значение. Его роль становилась еще более важной. Разве можно разрушать то, говорил я, что до сих пор позволяло как-то сдерживать гонку вооружений? Если мы будем теперь сокращать стратегическое и среднее ядерное оружие, обе стороны должны быть уверены, что никто не создаст в это время новых средств, которые подрывали бы стабильность и паритет. Поэтому мне представляется совершенно логичным определить срок – американцы говорили о семи годах, мы предложили десять лет, – те самые десять лет, в течение которых должно быть уничтожено ядерное оружие. Мы предложили десять лет, в течение которых ни советская, ни американская сторона не будут пользоваться правом – а они имеют такое право – выхода из Договора по ПРО. А исследования и испытания проводить только в лабораториях.

Итак, я думаю, вы поняли, почему именно десять лет? Это не случайно. Логика тут простая и честная. За первые пять лет сокращаются первые 50 процентов стратегических вооружений, за вторые пять лет – вторая половина. Вот – десять лет.

В этой же связи я предложил поручить нашим ответственным представителям начать полномасштабные переговоры о прекращении ядерных взрывов, с тем чтобы в итоге выработать соглашение о полном, окончательном их запрещении. А в ходе подготовки такого соглашения – мы и здесь проявляли гибкость и занимали конструктивную позицию – можно было бы попутно решить и частные вопросы, по ядерным взрывам.

В ответ мы вновь услышали от Президента Рейгана рассуждения, хорошо знакомые еще по Женеве и из публичных его выступлений: о том, что СОИ – это оборонительная система; что если мы будем ликвидировать ядерное

оружие, то как же мы сможем защититься от какого-нибудь безумца, в руки которого может оно попасть; о том, что он готов поделиться с нами результатами работ по СОИ. На это последнее замечание я сказал: не воспринимаю, господин президент, эту вашу идею всерьез, – идею о том, что вы поделитесь с нами результатами работ по СОИ. Вы сейчас не хотите делиться с нами даже нефтяным оборудованием или оборудованием для молокозаводов и при этом рассчитываете, что мы поверим в обещание поделиться с нами разработками по СОИ. Это была бы своего рода «вторая американская революция», а революции бывают не так уж часто. Я сказал Президенту Рейгану: давайте будем реалистами и прагматиками. Так надежнее. Слишком о серьезных вещах идет речь.

Кстати, вчера, пытаясь оправдать свою позицию по СОИ, Президент заявил, что эта программа ему нужна для того, чтобы Америка и ее союзники остались неуязвимыми от советского ракетного удара. Как видите, упоминания о безумцах уже нет. На свет опять вытащена «советская угроза».

Но это – самый настоящий трюк. Мы ведь предложили уничтожить не только стратегические, но и все ядерные вооружения, которыми располагают США и СССР, причем – под жестким контролем.

Откуда же возникает вопрос о необходимости обезопасить «свободу Америки» и ее друзей от советских ядерных ракет, – ведь этих ракет уже не будет?

Если нет ядерного оружия, зачем нужна оборона от него? Значит, вся эта затея со «звездными войнами» носит сугубо милитаристский характер и нацелена на достижение военного преимущества перед Советским Союзом.

Вернемся, однако, к переговорам. Хотя договоренность по стратегическим вооружениям и ракетам средней дальности была достигнута, было преждевременным считать, что в результате двух первых бесед уже все это было решено окончательно. Предстоял еще целый день, почти восемь часов непрерывных и напряженных дискуссий, в которых вновь и вновь приходилось возвращаться к этим, казалось бы, уже согласованным вопросам.

В этих дискуссиях Президент попытался выйти и на идеологическую проблематику, демонстрируя, мягко выражаясь, полную неосведомленность и непонимание того, что такое социалистический мир и что в нем происходит. Я отверг попытки увязывать идеологические различия с вопросами прекращения гонки вооружений. Настойчиво возвращал Президента и государственного секретаря к тому, ради чего мы собрались в Рейкьявике. Приходилось вновь и вновь напоминать собеседникам о третьем пункте пакета наших предложений, без которого невозможно было достичь согласия в целом. Я имею в виду необходимость строгого соблюдения Договора по ПРО, упрочения режима этого важнейшего договора и запрещения ядерных испытаний.

Приходилось еще и еще раз обращать внимание на, казалось бы, совершенно ясные вещи: раз мы согласились заняться глубокими сокращениями ядерных вооружений, мы должны создать такое положение, при котором не то чтобы в действиях, но даже и в мыслях не было бы попыток поколебать стратегическую стабильность, обойти договоренности. Поэтому мы должны иметь уверенность в сохранении бессрочного Договора по ПРО. Вы, господин президент, говорил я, должны согласиться с тем, что, раз мы идем на сокращения ядерного оружия, должна быть полная уверенность в том, что США не сделают ничего за спиной СССР, а Советский Союз также не сделает за спиной США ничего такого, что поставило бы под угрозу вашу безопасность, что обесценило бы соглашение, создало бы трудности.

А отсюда ключевая задача – укрепить режим ПРО. С разработками по этой программе не выходить в космос, оставаться в рамках лабораторий. Десять лет неиспользования права выхода из Договора по ПРО необходимы для создания уверенности в том, что, решая проблему сокращения вооружений, мы обеспечиваем безопасность каждой из сторон. Да и безопасность во всем мире.

Но американцы явно были настроены на другое. Мы видели, что США фактически хотят ослабить Договор по ПРО, пересмотреть его с тем, чтобы

разработать широкомасштабную космическую систему ПРО в собственных эгоистических целях. Согласиться с этим – было бы просто безответственно с моей стороны.

Что касается ядерных испытаний, то и тут было яснее ясного, почему американская сторона не хочет всерьез вести переговоры на эту тему. Она предпочла бы их сделать бесконечными, отложить решение проблемы запрета ядерных испытаний на десятилетия. В который уж раз нам пришлось отвергнуть попытки использовать переговоры в качестве прикрытия для свободы рук в области ядерных взрывов. Я прямо заявил: у меня возникают сомнения в честности позиции США, – нет ли в ней чего-то такого, что может нанести ущерб Советской стране? Как можно договариваться о ликвидации ядерных вооружений, если Соединенные Штаты будут продолжать их совершенствовать? И все же у нас осталось впечатление, что главная загвоздка – в СОИ. Устранив ее, можно было бы договориться и о запрещении ядерных взрывов.

На определенном этапе переговоров, когда стало совершенно ясно, что продолжение дискуссии – трата времени, я напомнил: нами предложен определенный пакет мер и прошу его рассматривать как таковой. Если мы с вами выработали общую позицию о возможности крупного сокращения ядерного оружия и не достигли согласия в вопросе о ПРО и ядерных испытаниях, то тогда все, что мы пытались здесь создать, рушится.

Президент и государственный секретарь реагировали на эту нашу твердость болезненно. Но я не мог ставить вопрос иначе. Речь шла о безопасности страны, о безопасности всего мира, всех народов и континентов.

Мы предложили крупные, действительно масштабные, явно компромиссные вещи. Мы пошли на уступки. Однако с американской стороны мы не увидели ни малейшего желания ответить нам тем же, пойти навстречу. Образовался тупик. И мы стали думать, чем же завершить встречу. И все-таки мы продолжали усилия вывести наших партнеров на конструктивный разговор.

Беседа, которая планировалась бы заключительной, оказалась в цейтноте. В этой ситуации, вместо того чтобы разъехаться – мы в Москву, они – в Вашингтон, – был объявлен еще один перерыв. Пусть стороны обдумают все и после обеда еще раз встретятся. Вернувшись в дом мэра города после перерыва, мы сделали еще одну попытку завершить встречу успехом. Предложили следующий текст в качестве основы для подведения позитивного итога.

Вот он этот текст:

«СССР и США обязались бы в течение 10 лет не пользоваться имеющимся у них правом выхода из бессрочного Договора по ПРО и в течение этого периода строго соблюдать все его положения. Запрещаются испытания всех космических элементов противоракетной обороны в космосе, кроме исследований и испытаний, проводимых в лабораториях.

В ходе первых пяти лет этого десятилетия (до 1991 года включительно) будут сокращены на 50 процентов стратегические наступательные вооружения сторон.

В течение следующих пяти лет этого периода будут сокращены оставшиеся 50 процентов стратегических наступательных вооружений сторон.

Таким образом, к исходу 1996 года у СССР и США стратегические наступательные вооружения будут ликвидированы полностью».

Комментируя этот текст, я сделал важное добавление, сославшись на документ, который был передан Президенту в конце нашей первой беседы. Суть его в том, что по истечении десяти лет, когда уже не будет ядерного оружия, мы предлагаем выработать на специальных переговорах взаимоприемлемые решения о том, как быть дальше.

Однако и на этот раз наши попытки прийти к согласию не дали результатов. В течение четырех часов мы вновь убеждали собеседников в обоснованности нашего подхода, который не грозил им ничем, не задевал интересов подлинной безопасности США. Но чем дальше, тем становилось яснее, что американцы не пойдут на то, чтобы ограничить исследования,

разработки и испытания по программе СОИ рамками лабораторий. Они рвутся с оружием в космос.

Я заявил твердо, что мы никогда не согласимся на то, чтобы своими руками помогать подрывать Договор по ПРО. Это для нас вопрос принципа, вопрос нашей национальной безопасности.

Итак, находясь буквально в одном или в двух-трех шагах от принятия решений, которые могли стать историческими для всей ядерно-космической эпохи, мы этого шага или этих шагов не смогли сделать. Поворота в мировой истории не произошло. Хотя он – еще раз об этом говорю убежденно – был возможен.

Но совесть у нас чиста, упрекнуть нас не в чем. Мы сделали все, что могли.

У наших партнеров не хватило широты подхода, понимания уникальности момента и в конечном счете мужества, ответственности, политической решимости, так необходимых при решении крупнейших животрепещущих мировых проблем. Они остались на старых позициях, которые время уже подточило и которые не отвечают современным реальностям.

Меня спрашивали иностранцы там, в Исландии, спрашивают товарищи здесь: в чем вы видите причины такого поведения американской делегации на встрече в Рейкьявике? Причин много – и субъективных, и объективных, – но главная состоит в том, что руководство этой великой страны слишком зависит от военно-промышленного комплекса, от монополистических групп, превративших гонку ядерных и других вооружений в бизнес, в средство получения прибылей, в цель своего существования и смысл своей деятельности.

Мне представляется, что в своей оценке обстановки американцы делают две серьезные ошибки.

Одна – тактическая. Они полагают, что Советский Союз рано или поздно смирится с попытками возрождения американского

стратегического диктата, пойдет на ограничение только советских, на сокращение только советских вооружений. Сделает это потому, что, дескать, более, чем США, заинтересован в договоренностях по проблеме разоружения. Но это – глубокое заблуждение. И чем быстрее от этого избавится американская администрация – это я говорю, может быть, в сотый раз, – тем лучше будет и для них, и для наших отношений, и для всей обстановки в мире.

Другая ошибка – стратегическая. Соединенные Штаты хотят экономически измотать Советский Союз через гонку новейших и самых дорогостоящих космических вооружений. Хотят создать разного рода трудности для советского руководства, сорвать его планы, в том числе и в сфере социальной, в сфере улучшения жизненных условий нашего народа, и тем самым вызвать недовольство народа своим руководством, руководством страны. Да и ограничить тем самым возможности Советского Союза в его экономических связях с развивающимися странами, и те в такой ситуации были бы вынуждены все идти на поклон к Соединенным Штатам Америки. Далеко идущие замыслы. Стратегическая линия нынешней администрации тоже строится на заблуждениях. В Вашингтоне, похоже, не желают отягощать себя внимательным анализом происходящих в нашей стране изменений, не хотят делать соответствующих практических выводов для себя, для своего курса и пытаются выдавать желаемое за действительное. И на основе этого заблуждения строить политику в отношении СССР. Все долговременные последствия такой политики предвидеть, конечно, нетрудно. Одно нам ясно уже сейчас: она никому не принесет, не может она принести ничего позитивного. В том числе и самим Соединенным Штатам.

Перед тем как выступить перед вами, я прочитал заявление Президента США о Рейкьявике. Обращает на себя внимание, что Президент приписывает все обсуждавшиеся предложения себе. Ну что ж, видимо, эти предложения настолько притягательны для американцев и народов мира, что можно пойти

и на такую хитрость. Нас тщеславие не гложет. Но все же важно, чтобы люди получили правдивую картину хода дел в Рейкьявике.

Что же дальше? Я уже говорил на пресс-конференции, что работа, проделанная и до встречи, и там, в Рейкьявике, не пропадет даром. Мы сами многое обдумали в связи с этой встречей и многое пересмотрели. Мы теперь лучше расчистили дорогу к развертыванию дальнейшей борьбы за мир и разоружение. Освободились от образовавшихся завалов, от частностей, мелочей, от стереотипов, которые сковывали новые подходы в этой важнейшей сфере нашей политики.

Мы знаем, где находимся, отчетливее видим свои возможности. Подготовка к Рейкьявику помогла нам сформулировать платформу – новую, смелую платформу, которая увеличивает шансы на конечный успех. Она отвечает интересам нашего народа и общества на новом этапе его социалистического развития. И вместе с тем эта платформа отвечает интересам всех других стран и народов и тем заслуживает доверия. Мы убеждены, что она будет встречена с пониманием во многих странах мира и в самых различных политических и общественных кругах.

Думаю, что очень многие во всем мире, в том числе облеченные властью деятели, могут и обязаны будут извлечь из Рейкьявика серьезные выводы. Всем придется обдумать еще и еще раз, в чем дело, почему такие упорные усилия создать перелом и двинуться к безъядерному миру, к всеобщей безопасности не дают пока нужного результата.

Хочу надеяться, что и Президент точнее и полнее сегодня представляет себе ход нашего анализа, намерения Советского Союза, возможности и пределы подвижек в советской позиции. Точнее и полнее, в частности, потому что господин Рейган получил из первых рук пояснения по нашим конструктивным шагам во имя стабилизации и оздоровления международной обстановки.

Очевидно, американскому руководству понадобится определенное время.

Мы реалисты и отчетливо сознаем: вопросы, которые на протяжении многих лет, даже десятилетий не находили решения, вряд ли могут быть разрешены в один присест. Есть у нас и немалый опыт ведения дел с Соединенными Штатами. Знаем, сколь переменчива там бывает внутривнутриполитическая погода, сколь сильны и влиятельны за океаном противники мира. Все это для нас не новость и не неожиданность.

И если мы не опускаем рук, не хлопаем дверью, не даем волю нервам, хотя для всего этого оснований более чем достаточно, то лишь потому, что искренне убеждены в необходимости новых усилий к построению нормальных межгосударственных отношений в ядерную эпоху. Другого пути просто нет.

И еще одно: после Рейкьявика еще больше у всех на виду оказалась пресловутая СОИ как символ обструкции делу мира, как концентрированное выражение милитаристских замыслов, нежелания снять ядерную угрозу, нависшую над человечеством. Иначе воспринимать ее невозможно. Это – важнейший урок встречи в Рейкьявике.

Подводя краткий итог этим очень насыщенным дням, я бы суммировал его так. Прошедшая встреча – большое событие. Произошла переоценка. Создалась качественно иная ситуация. Никто уже не может действовать так, как действовал до этого. Встреча была полезной. Она подготовила возможный шаг вперед, к реальному сдвигу к лучшему, если США перейдут наконец на реалистические позиции, откажутся от химер в оценках.

Она убеждает нас в правоте избранного курса, в необходимости и конструктивности нового политического мышления в ядерную эпоху.

Мы полны энергии и решимости. Взяв старт перестройки, страна уже прошла определенный путь. Мы еще только начали, а сдвиги имеются. Прирост промышленного производства за девять месяцев составил 5,2 процента, производительность труда поднялась на 4,8 процента, произведенный национальный доход увеличился по сравнению с прошлым

годом на 4,3 процента. Все эти показатели выше плановых на этот год. А это самая мощная поддержка со стороны нашего народа, ибо это все плоды труда нашего народа, самая мощная поддержка политики партии – поддержка делом.

Это говорит о том, что труд народа в новых условиях позволяет быстрее наращивать экономический потенциал страны, а тем самым укрепляет ее оборонные возможности.

Советский народ, советское руководство едины в том, что политика социализма может быть и должна быть только политикой мира и разоружения. С курса XXVII съезда КПСС мы не свернем.

Собрание сочинений М.С. Горбачева. Т. 5. С. 70-84.)